

зантійській Херсонес с его правильными улицами, скученными домами и великолѣпными памятниками. Здѣсь мы подходим к Херсонесу — Корсуні, гдѣ принялъ крещеніе кн. Владимір. Есть основанія полагать, что найденный фундамент крестовидной церкви мог быть церковью Богородицы, гдѣ крестился Владимір, а смежный с ней царскій терем — домом, гдѣ жила царевна Анна.

Як. Б. Полонскій

Maurice Muret, de l'Institut, Grandeur des Elites. Albin Michel, 1939.

Государство - Левиафан, государство - Молох, эта животрепещущая тема современной жизни, заслоняет слишком часто другой аспект культурнаго кризиса человѣчества: водворившееся в послѣднія десятилѣтія владычество масс, доминирующих в политической, экономической, моральной, бытовой сферѣ и не менѣе, чѣм государственный «тоталитаризм», хотя и болѣе незамѣтно, угрожающих самому существованію культуры. Тоталитарныя государства — и большевизм, и фашизм, и націонал-соціализм — невозможны были бы без этого «возстанія масс», о котором заговорил лѣтъ десять тому назад испанскій философ Ортега-и-Гассэ, без сдвига той «паюсной икры», о которой когда-то говорил наш Герцен. Что культура создается нѣкоторыми «элитами», было излюбленной мыслью не только Ницше, но еще раньше Гете, как и Бальзака и Флобера, и потом, в весьма опредѣленной формѣ, Генана, предвидѣвшаго современный кризис прогресса. В наше время к этой темѣ упорно возвращается Дюгамель. Но существенным является (и быть может, недостаточно отчетливо выражено автором исторіи европейскх элит в введеніи и заключительной части), что политическая демократія ни в какой мѣрѣ не враждебна, как таковая, развитію элит, и что мы на основаніи современных опытов должны ввести важный корректив в равенство: аристократія - культура.

Очень тонко и правильно автор отмѣчает, что культура не есть дѣло единиц, но точно также не есть она и творение так называемых великих людей (в наше время можно было бы сказать, «вождей»). «Великим людям» свойственны крайности, культура же характеризуется мѣрой, равновѣсіем. Золотой вѣкъ Франціи не эпоха Наполеона I-го, а эпоха Людовика XIV-го, человѣка гораздо менѣе яркаго, но сумѣвшаго создать исключительную атмосферу, благопріятствовавшую расцвѣту искусств. Такова же была роль Перикла в Афинах.

Автор в пяти превосходных главах изслѣдует типы европейских элит: это—греческій человѣкъ («калоскагатос» (этнически-красивый), это *civis romanus*, римскій гражданин, это — универсальный человѣкъ Ренессанса, это—l'honnête homme français, идеал французскаго общества XVIII-го вѣка, и это, наконец,—англійскій «джентльмэн», идеал, играющій огромную роль и в нашу эпоху. Характерным образом Германія не создала своего типа «элиты», и неслучайно Ницше, так много размышлявшій о судьбах культуры, так тяготѣлъ к латинским странам. Русскій читатель не может, однако, согласиться с аподиктическим утвержденіем автора на 286 стр., что Россія не имѣла элиты. Явленіе русской интел-

лигенции было достаточно примѣчательным, совершенно своеобразным и в смыслѣ социологическом аналогичным ряду указанных элит.

Преемственность между ними установить трудно, а подчас и невозможно. В идеаль Ренессанса эстетическіе элементы доминируют; *virtù* 15-го вѣка, это — сила, полнота человѣческой личности и весьма мало нравственная доблесть. Но в четырех остальных типах этических и эстетических элементов уравниваются друг друга. «Ничего чересчур» было правилом афинян, и встрѣча Солона с лидійским царем Крезом, преисполненным гордыни, прямо — таки «инструктивна» в наши дни. В идеаль англійскаго «джентльмена» слышатся отзвуки и греческаго и римскаго идеалов, и интересно, что англичане склонны в послѣднее время подчеркивать эту связь. Не говоря о том, что питомники джентльменов, Оксфорд и Кембридж, являются очагами гуманистических знаній, кое — кто, напримѣр, Болдвин, ищет в фактѣ принадлежности Великобританіи на протяженіи четырех вѣков к Римской Имперіи нѣкоторое объясненіе духовнаго облика современнаго брита. Гуманизм наших дней, не только в Англии, но и на континентѣ (и в Америкѣ), не есть болѣе, как в предыдущія эпохи, нѣкоторая форма филологической культуры, весьма правда существенная и способствовавшая общему развитію. В принципах «Познай самого себя», «Ничто человѣческое мнѣ не чуждо», в «идеях» Платона, в гражданском правѣ Рима мы ищем элементы, основоположные для всякой культуры и без которых сомнительным представляется ея сохраненіе в будущем.

Книга Muret не только чрезвычайно интересна, благодаря темѣ и благодаря мастерскому изложенію. Она отвѣчает, без преувеличенія, насущной потребности культурнаго современника.

Б. Г—р

André Sidobre. Les problèmes ukrainiens et la paix européenne. — Cahiers d'Informations Françaises. N° 2. Février, 1939. Paris.

Февральскій номер «Тетрадей французскаго освѣдомленія» составлен в том же анти-мюнхенском духѣ, что и предыдущій (см. прошлую книжку «Русск. Зап.»). В свѣтѣ чехо — словацких событій 14 — 15 марта работа Сидобра приобретает особенно злободневный характер: освѣщеніе установленнаго в Мюнхенѣ мира оказывается вѣщим, а прогнозы — до чрезвычайности зловѣщими.

А. Сидобр рассматривает вопрос с французской точки зрѣнія, примѣнительно, прежде всего, к интересам Франціи. Тѣм не менѣ почти всѣ его выводы дают удовлетвореніе и обще — европейскому сознанію, и обще — человѣческой тягѣ к миру и справедливости. По мнѣнію автора, политика Мюнхена и декларация Боннэ — Риббентропа — это даже «не политика без величія и благородства», которая была бы все-таки политикой; тѣ, которые провели «Мюнхен», не «закляли бури», а только поставили «нас» перед вопросом: «отвратили ли мы бурю на другія головы или сдѣлали ее лишь болѣе грозной, чтобы увидѣть, как она разразится над нашими головами?»

Событія, увь, подтвердили полностью слова Сидобра, когда он